

А. В. ДЕСНИЦКИЙ

БАСНЯ И. А. КРЫЛОВА «ДИКИЕ КОЗЫ» В СВЯЗИ С ТРАДИЦИЯМИ РУССКОЙ САТИРЫ XVIII в.

Есть среди басен великого русского баснописца такие, на которые мало обращалось внимания прежде, мало обращается внимания и теперь, хотя для самого автора они имели первостепенное значение. К числу таких произведений относится и рассматриваемая нами. В. Ф. Кеневич сделал было попытку заинтересоваться ею, но тут же и отказался от этого намерения: «Существует мнение, что Крылов написал эту басню по поводу дарования конституции царству Польскому (1815 г.) и что император Александр, которому будто бы эта басня была представлена, крайне был недоволен баснописцем и, сказав: „Не ожидал я этого от старика“, запретил ее печатать. Но сохранившиеся рукописи, свидетельствующие, что басня написана почти десять лет спустя после упомянутого события, положительно доказывают неосновательность молвы. Вероятнее всего, что Крылов, перечитывая Эзопа, без всякой задней мысли остановился на этой басне».¹

Однако Кеневич напрасно так категорически не придал значения «молве», воспоминаниям о том, как в свое время понималась эта басня. Согласившись с тем, что рукописный вариант, который принято считать первым, нельзя отнести ко времени более раннему, чем 1820 год, можно предполагать, что был другой еще более ранний, пока еще не обнаруженный или вообще утерянный.

Кстати, достаточное для опубликования совершенство первого известного варианта вполне допускает такое предположение. Говорит за него и то, что в «первом варианте», нам известном, Крылов дальше от Эзопа, чем в последнем — даже название басни у него вначале совершенно отличное от эзоповского: «Пастух».

Записанной Кеневичем «молве» скорее противоречит другое: традиционность крыловских басенных образов. В самом деле, за исключением «пастуха» в «Диких козах» нигде, ни в одной другой

---

¹ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Акад. наук, т. VI, СПб., 1869, стр. 212 (второй пагинации).

басне Крылова никогда не находили изображения царя в образе «пастуха». А между тем образ «пастуха» не редок в его баснях. Но и это не сильный аргумент. К тому же в борьбе с цензурой при особенно социально острой теме нарушение формальной традиции было вполне естественным приемом «эзоповского» языка. Но, главное, другая, не формальная традиция, идущая из XVIII века, прочно связывает басню «Дикие козы» с критикой самодержавия, а непосредственно — с личностью Александра I.

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что самым прямым русским предшественником Крылова-баснописца был И. И. Хемницер.² Крылов многое перенял у него, многому у него научился. Любопытно поэтому, в связи с ходом нашего рассуждения, посмотреть, как Хемницер относился к самодержавию.

Есть у И. И. Хемницера басня «Лестница», к которой прежде всего надо обратиться. В ней рассказывается о бестолковом человеке, который стал мести лестницу, начиная с нижней ступеньки. Выметая каждую следующую, он сорил на выметенные, их опять приходилось мести, таким образом он чрезвычайно осложнил себе работу. Надо было начинать с верхней ступени, тогда пришлось бы мести лишь один раз: дело, было бы проще. Мораль басни:

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было
Не с высших степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

Конечно, в басне — совет управителям государств, в том числе — урок царям, но есть в ней и другое: совет самому себе, совет писателям, «наблюдающим» «порядки» правлений. К ним ведь тоже относится этот совет: пока не выметена верхняя ступень, не начинать мести нижние. Сам Хемницер настойчиво и последовательно соблюдал высказанное в басне «Лестница» правило на всем пути своего басенного творчества. Можно утверждать, что основной темой его творчества была критика самодержавия. Наиболее сильно обрушивался он своей басенной сатирой именно на него. Достаточно вспомнить его басню «Привилегия» — одну из самых острых антимонархических басен русской литературы XVIII и XIX вв. вообще. И, кроме нее, Хемницер постоянно обращался к этой теме. Например, в баснях «Путешествие льва», «Дележ львиный», «Имение и ссора», «Лев, учредивший совет», «Добрый царь», «Слепой лев». Стесненный цензурными условиями, Хемницер вынужден был ряд басен на тему о самодержавии оставить только в замыслах, ограничившись самыми первоначальными набросками. Если, кроме басен, привлечь и неосуществленные замыслы И. И. Хемницера, то можно убедиться, что около четверти всего его басенного творчества посвящено теме самодержавия.

² А. Десницкий. Крылов и Хемницер. — Ученые записки ЛГПИ. т. 168, ч. 1, 1958, стр. 31—57.

Крылов, учась у своего предшественника, не мог не заметить этой его основной тенденции. В связи с уроком, данным Хемницером в его баснях, в связи со всей суммой своих взглядов, сформировавшихся еще в XVIII в., Крылов тоже постоянно обращался к критике самодержавия. Она наличествует у него в трагедии «Филомела», в шутотрагедии «Трумф», в журнале «Почта духов», в «восточной повести» «Каиб» и в огромном количестве басен в XIX в. Некоторые из них прямо перекликаются с баснями Хемницера; «Деж львиный», «Пестрые овцы» несколько напоминают «Привилегию», а «Рыбья пляска» — «Путешествие льва».

Следует отметить, что из XVIII века идет у Крылова традиция давать не только обобщенно сатирическую критику самодержавия, а одновременно намекать и на определенное лицо или лица. Так, в «Филомеле» мы видим ситуацию, напоминающую ту, которая была в России при вступлении Екатерины II на престол (царь, изменяющий своей жене, царица, всходящая на престол через труп своего мужа, царица, не любящая своего сына и готовая его уничтожить или уничтожающая его). В «Трумфе» всегда видели намек на Павла I, в «Почте духов» — на Екатерину II и ее двор. На основе сказанного можно решительно утверждать, что в басне «Дикие козы» Крылов тоже обращается к критике самодержавия вообще и, в частности, к критике правления Александра I.

То, что под «Пастухом» в «Диких козах» подразумевается Александр I, подтверждается и тем, что Крылов проявлял огромное сатирическое, так сказать, внимание к его личности. Н. Л. Степанов пришел к убедительному выводу: «В политической сатире Крылова центральное место занимает фигура Александра I. Сочетание показного либерализма с деспотизмом, постоянная ориентация Александра I на Западную Европу и его пренебрежение национальными интересами России вызывали широкое недовольство в стране, отразившееся и в крыловских баснях».³

Итак «Пастух» — Александр I. Сюжет басни, если дальше следовать «молве», записанной Кеневичем, выражает отношение Крылова к польской конституции 1815 г. То, что речь идет именно о Польше, явно подчеркнуто в басне словами: «...паном заживу у нас во всем Полесье».

Первое впечатление от басни может быть таково, что Крылов был против предоставления Польше конституции Александром I. Именно оно, заслонив истинный смысл басни, дав возможность предполагать у Крылова шовинистическую антипатию к Польше, облегчило опубликование «Диких коз». Однако такое впечатление неправильно.

---

³ Н. Степанов. И. А. Крылов. Жизнь и творчество. ГИХЛ, М., 1958, стр. 222—223.

Стремление «Диких коз» жить на свободе никак не осуждается: «Не по утесам жизнь казалась им грустна», сочувственно говорится в басне. В «первом» известном варианте было сказано еще определеннее: «Невольницу как ни корми, а все она грустна».⁴ Крылову понятно стремление «Диких коз» к свободе прежде всего от Александра.

Но основной смысл басни не в оценке сделанного царем, а в осуждении Александра за то, что им не делалось: за отсутствие истинной заботы о своем народе. «Козы» — конечно, народ. В таком смысле они встречаются в баснях Крылова не один раз. Так, в басне «Лев» совершенно отчетливо изображены: в образе льва — царь; медведей, волков — вельможи; в образах оленей, серн, ланей — народ. И вот о русском народе баснописец пишет:

Свое же стадо захирело,
И все почти переколело.

А заканчивает басню нравучением:

Чем в Диких Коз терять свой корм напрасно,
Не лучше ли бы коз домашних побережь?

Баснописец утверждал этими словами, что России, русскому народу нужен тот «корм», который был предложен полякам. России нужна воля, конституция, ей нужно первоочередное внимание, прогрессивные реформы. Нужно не для вида, а по существу вернуться к политике первых лет царствования, к внутренней политике Сперанского, а не изображать из себя «царя царей», не создавать и не поддерживать «священных союзов», не тратить сил и средств русского народа для подавления освободительного движения в Западной Европе. — Вот что должен был понять читатель в этой басне.

Вместе с басней «Дикие козы» должны были появиться приблизительно в одно время басни «Рыбья пляска» и «Пестрые овцы». Все эти басни о тяжелом положении народа и о царе, ненавидящем и уничтожающем свой народ. Но «Пестрые овцы» совсем не были пропущены царской цензурой, а «Рыбья пляска» изуродована до полного изменения смысла. Из трех одновременных басен начала 20-х годов об антинародной политике Александра I в полном виде прошла в печать лишь одна.

---

⁴ И. А. Крылов. Басни. Комментарии А. П. Могилянского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 469.